

Раз уж они стали родителями для Сяо Цюаня, семья из трех человек решила перебраться в дом Дяди Ли-второго. В доме было три комнаты: одну занимали сами супруги, другая была кладовой, а третья когда-то принадлежала их сыну. Кухня и дровяной сарай пристраивались сзади в виде небольшого навеса.

Переехав, они разобрали кладовую, а весь хлам перенесли в комнату старшего сына. Эта каморка была совсем крошечной, но по сравнению с покосившейся хибарой, в которой они жили раньше, она казалась дворцом. Чжоу Хэн постарался обставить всё красиво: — Это комната старшего брата, так что ничего страшного, если я поселюсь в другой. Там всё еще хранятся его вещи, пусть остаются, как память.

Тетушка Лю, услышав это, была глубоко тронута. У Дяди Ли-второго болела нога, поэтому он не мог особо помогать, но сама она не сидела без дела: бегала туда-сюда с тазами и тряпками, не зная отдыха. Теперь у неё на душе стало спокойно, и она знала, что в будущем сможет ходить по деревне, высоко подняв голову.

Вещей у них было немного, и когда уборка завершилась, Чжоу Хэн осмотрел аккуратную комнату. Крыша не текла, стены не продувало, а стол и шкафы стояли ровно. Он наконец смог вздохнуть с облегчением. Хотя условия жизни оставались скромными, они были на голову выше того, что имелось раньше. Теперь он мог сделать следующий шаг.

Чжоу Хэн стремился к переменам, чтобы улучшить их быт. Одной лишь работой на полях, где за трудодни давали лишь скудный паек, едва хватало на то, чтобы набить желудок. О том, чтобы поесть чего-то сытного, можно было и не мечтать. У него в хибаре была одна несушка, у Дяди Ли-второго — две, но все яйца приходилось откладывать, чтобы потом обменять в кооперативном магазине на соль или спички.

Последние пару дней он питался исключительно бататом, причем приготовленным одним и тем же способом — либо на пару, либо вареным. Вкус был совершенно одинаковым, а то мизерное количество соли, которое добавляли, не чувствовалось вовсе. Как выразился Система 998, у него уже во рту стало пресно, как в безвкусном бульоне. Но чтобы купить соль, нужны были деньги, а о тех деньгах, что имелись у него в кармане... что ж, лучше было не вспоминать.

Что касается продажи вещей ради заработка, то где взять товар? Урожай с общинных полей принадлежал коммуне, его нельзя было просто так забрать и продать. Чжоу Хэн обратил свой взор на горы, где стояла его старая хибара. В горах действовало негласное правило: если поймал добычу и никто не видел — не кичись этим на каждом шагу, и все будут смотреть сквозь пальцы. В конце концов, часто случалось, что люди, отправившись по дрова, заодно находили какую-нибудь дичь.

Чжоу Хэн решил сходить в горы. Под предлогом того, что нужно забрать оставшиеся в хибаре вещи, он отправился в путь, углубляясь в лесную чащу.

Внешние склоны гор были исхожены вдоль и поперек, поэтому крупных хищников вроде диких кабанов или волков там встретить было невозможно. В лучшем случае могли попасться фазаны

или другая птица, даже зайцы встречались редко. Безопасность здесь была на высоком уровне.

Чжоу Хэн не был безоружен — у него имелся тесак, но его главной опорой был не этот старый, издававший виды нож, а его Пространство. По словам Системы 998, стоило дотронуться до предмета размером не более кубического метра, как его можно было мгновенно переместить в Пространство. Внутри не было воздуха, поэтому любая живая тварь там быстро погибала, а приготовленная еда могла долго храниться, не портясь. Это было очень удобно.

Раз уж в лесу нет крупных хищников, решил он, стоит попробовать попытать счастья.

Замысел был прекрасен, но на деле человек, который никогда не охотился, с тесаком в руках не мог добиться ничего. Стоило ему заметить фазана, как птица тут же срывалась с места и убегала. Не успел он даже среагировать, как фазан уже скрылся в густой траве, оставив после себя лишь тень.

Походив по окрестностям добрую часть дня, он так и остался с пустыми руками. Ему оставалось лишь горько усмехнуться: всё-таки нужно твердо стоять на земле. Если бы добыть пропитание было так просто, все деревенские давно бы уже валом повалили в горы. Он повернул назад, размышляя о других возможностях.

На спуске с холма его взгляд упал на нечто ярко-розовое, выделявшееся на фоне густой зелени. Он мельком глянул туда, а затем замер. Широко раскрыв глаза, он долго смотрел на находку, прежде чем подойти ближе, раздвигая ножом высокую, по пояс, траву.

Перед ним росла дикая Силань.

Он ничего не смыслил в орхидеях, но его сосед был заядлым любителем этих цветов. Тот часто заходил к его отцу, рассуждая о достоинствах разных сортов, и со временем отец тоже проникся этим хобби, научившись хоть что-то понимать.

В те годы, когда цены на орхидеи взлетали до небес, сосед поехал навестить могилы предков в деревне и случайно обнаружил в горах цветущую Силань. Даже когда ему предлагали семьсот тысяч, он наотрез отказывался продавать цветок. Его отец тогда тоже ездил смотреть на него и, вернувшись, всё качал головой, не в силах постичь, как растение может стоять таких бешеных денег. Тогда из чистого любопытства он даже специально ходил смотреть на такую с отцом: она была точно вылитая эта, разве что цвет казался ещё более нежно-розовым. Он не разбирался, лучше ли это или как-то иначе, но лично ему она показалась очень симпатичной.

Теперь-то смута в стране в основном закончилась, и если те образованные люди, которые любят подобные вещи, увидят её, то, наверное, не пожалеют денег на покупку?

Дыхание Чжоу Хэна участилось. Сейчас он был поистине беден как церковная мышь: Система 998 дала ему лишь Пространство, а больше абсолютно ничего. И хотя в торговом центре было абсолютно всё, что душа пожелает, для этого требовались очки заданий, а его собственные

очки гордо красовались в виде нуля.

Чтобы улучшить свою жизнь, приходилось полагаться исключительно на собственные руки, никаких обходных путей не существовало.

Увидев такую орхидею, Чжоу Хэн даже невольно подумал: неужели его выбрали для выполнения заданий, а теперь, когда возникла острая необходимость, подбросили такую орхидею — неужели ему и впрямь сопутствует удача?

Или же, как в сериалах, у него какое-нибудь выдающееся происхождение?

Однако, помечтав немного, он быстро вернулся к реальности. Он прекрасно знал, что его родители — самые обычные люди, и хотя сам он с малых лет во всём преуспевал, это было лишь превосходство простого человека.

Сейчас у него под рукой не было подходящего инструмента, и выкопать цветок немедленно он не мог, поэтому ему пришлось ухаживать, оглядываясь после каждого шага.

На следующий день он вернулся сюда с обветшалым деревянным ведром. К счастью, эта орхидея не пострадала от лап каких-нибудь варварских животных — всё это время его сердце было не на месте.

Он специально подгадал время и пришёл на раскопки после окончания смены, а выкопав цветок, немедленно отправился с ним в город.

Когда всё было готово, уже совсем стемнело. На ощупь пробираясь в темноте, он добрался до посёлка и стал ждать редкий автобус, который ходил в город всего раз в полчаса. Всю дорогу он трясся над цветком пуще, чем над младенцем, до смерти боясь случайно задеть листья или лепестки. К счастью, глубокой вечерней порой людей в транспорте почти не было — попадись он днем, в этой толчее избежать прикосновений было бы невозможно, а тогда ценность растения упала бы в разы.

Домочадцам он объяснил, что подстрелил в горах дичь и спрятал её, а дождавшись темноты, понесёт продавать в посёлок и вернется только на следующий день. Насчёт выхода на работу он решил пока не утруждаться и просто отпросился на пару дней.

Сейчас в семье и впрямь почти не осталось денег: отдав триста юаней, супруги основательно подорвали свой бюджет, так что, видя, как Ли Ши усердно старается заработать живую копейку, они, разумеется, не сказали ни слова против. Приехав в город, он тут же начал расспрашивать дорогу к местному учебному заведению. Стоял вечер, прохожих на улицах почти не было — лишь изредка попадались полуночники, не говоря уже о тех, кто спешил на ночную смену на заводе.

В их городе действительно имелся свой институт. Пусть это было всего лишь училище, оно все равно считалось здесь главным центром высшего образования.

Потратив немало сил на поиски нужного места, он переоделся в другую привезенную с собой одежду — свой лучший наряд. И хотя тот по-прежнему пестрел сплошными заплатками, по крайней мере выглядел чистым и аккуратным. Прижимая к груди горшок с орхидеей, он встал напротив ворот учебного заведения, откуда был отличный обзор на любого выходящего.

Он прождал очень долго, пока небо постепенно не начало светлеть. Часов у него не было, но по его подсчетам прошло уже часа два или три. Однако, движимый надеждой, он не спал всю ночь и все равно чувствовал себя бодрым.

Завидев прохожих, он пристально всматривался в них, выискивая людей с определенным складом ума и интеллигентным видом, и только к таким подходил сам. Первые вышедшие оказались простыми тетушками с корзинами наперевес — их он проигнорировал. Но вот показался пожилой мужчина с поседевшими волосами и бородой, и парень тут же последовал за ним. Он услышал, как проходящие мимо почтительно называют старика преподавателем, да и сам тот выглядел очень доброжелательным.

Поэтому у одного из углов он преградил ему путь.

— Уважаемый, у меня тут есть горшочек Силань. Не желаете взглянуть? — он простодушно улыбнулся.

На самом деле, стоило ему только появиться, как глаза старика сразу же прикипели к цветку в его руках — тот смотрел на него не отрываясь.

Заметив это, Чжоу Хэн улыбнулся еще искреннее: как же ему повезло сразу натолкнуться на знатока и ценителя!

Старик приоткрыл рот, собираясь восхищенно ахнуть, но, вспомнив слова парня, с напускной важностью погладил бороду.

— Молодой человек, ты хочешь ее продать?

— Да. Люди говорят, что такие орхидеи ценятся, вот я и решил попробовать.

— О? А ты сам-то знаешь, что это за вид?

— Силань.

— И почему же ты ее продаешь?

— Я в этом не особо разбираюсь. Назовите свою цену, уважаемый?

Услышав это, собеседник наконец поднял глаза и внимательно, с оценкой оглядел его с ног до головы, после чего неторопливо произнес:

— Такая орхидея — вещь на любителя: кто ее обожает, тот готов отдать любые деньги, а кому она не нужна — и ломаного гроша не стоит. Я как раз из тех, кто равнодушен к подобным вещам. Даю тебе восемьсот, цена окончательная. Можешь поспрашивать у людей, справедливая ли это сумма. Чжоу Хэн остался вполне доволен. Изначально он рассчитывал выручить лишь триста-четыре юаней. Его сосед тогда так дорого продал орхидею только из-за ненормального ажиотажа, который позже пошел на спад. Теперь же получить несколько сотен — это уже предел мечтаний, ведь в это время месячная зарплата рабочего составляла всего несколько десятков юаней!

Он не зря выбрал целью для продажи университетских преподавателей: они люди обеспеченные, а если кто-то из них и пострадал в недавние смутные времена, то после восстановления справедливости государство выплатило им компенсации за годы вынужденного простоя и вернуло имущество. Такие деньги они могли себе позволить.

— Хорошо!

— Ладно! Идем со мной, я зайду домой и принесу тебе деньги, — услышав такой решительный ответ, старик пришел в отличное расположение духа.

Хе-хе, такую Силань с великолепным качеством он еще не встречал. Если показать её старым друзьям, они от зависти с ума сойдут.

Чжоу Хэн, бережно прижимая цветок к груди, последовал за ним. Подождав немного у подъезда, старик вышел с небольшим матерчатым свертком. Он протянул его Чжоу Хэну:

— Пересчитай.

Чжоу Хэн отложил горшок с орхидеей в сторону и пересчитал купюры. Всё верно. Он отдал цветок покупателю.

Старик прижал горшок к себе, больше не сдерживая радости: улыбка в уголках рта и восхищение в глазах проступили совершенно открыто.

— Я преподаватель в этом институте, фамилия Фан. Если вдруг увидишь еще подобные орхидеи — неважно, какой сорт, лишь бы цвели так же хорошо — обязательно приходи ко мне, договоримся о цене.

— Хорошо-хорошо, если представится возможность, непременно загляну, — ответил Чжоу Хэн.

У него под тем деревом еще остались три молодых ростка. Он их не тронул, при выкопке тщательно обходил стороной, а после даже присыпал ямки землей. Если со временем они вырастут и зацветут так же роскошно, их можно будет либо продать, либо оставить для собственного любования.

Попрощавшись с преподавателем, Чжоу Хэн, чувствуя, как внутри греет душу увесистая пачка из восьмисот юаней, бодрым шагом направился прочь. Выйдя за ворота учебного заведения, он остановился.

Он планировал часть денег отдать домой, а остальное оставить как стартовый капитал. На что потратить? Конечно, на торговлю. Как говорится, в восьмидесятые даже на лотке с мелочевкой можно было сколотить состояние. Сейчас он оказался в этой эпохе, а значит, упускать такой шанс нельзя.

Сначала он потратил две монетки по десять фэней на два мясных пирожка, чтобы заморить червячка. Поев, он с довольным видом похлопал себя по животу — вот она, жизнь со вкусом!

Затем он принялся изучать город. В те времена городские масштабы были невелики, так что обойти всё можно было довольно быстро.

Государство больше не запрещало людям заниматься торговлей, поэтому, хотя общественное мнение еще не успело измениться, среди вернувшихся в город «образованной молодежи» и других людей, почуявших перемены, было немало желающих попытать счастья.

Сперва Чжоу Хэн купил себе приличную одежду. Встречают по одежке — это истинная правда; если выглядеть как оборванец, никто на тебя и не взглянет.

Он нашел небольшой оптовый рынок. Их провинция находилась на самом юге страны, совсем недалеко от мест, где начались первые эксперименты с политикой реформ и открытости. В городе можно было достать кое-какие электронные товары и модную одежду, привезенные из Гонконга. Чжоу Хэн потратил триста юаней на закупку товара.

Электроника стоила недешево: от нескольких юаней за простую вещь до нескольких десятков за что-то более серьезное. Он выбрал несколько товаров среднего и низкого ценового сегмента, остальное закупил одеждой. Набрав огромные баулы, он, чтобы не привлекать внимания, сделал большой крюк и в безлюдном месте убрал товар в Пространство.

К тому времени уже близился полдень. Чжоу Хэн зашел в закусочную у дороги, где стояли лотки, и заказал чашку лапши с бульоном. В ней плавали тонкие ломтики мяса, а самой лапши было вдоволь. Он съел всё до последней капли бульона, прежде чем уйти. В этом не было ничего зазорного — никто тогда не разбрасывался едой.

После он отправился в универмаг: раз уж выехал в город, нельзя возвращаться с пустыми руками.

Он купил всем домашним по комплекту новой одежды. Готовые вещи стоили дороже, чем ткань, но если в доме есть кто-то, кто умеет шить, выгоднее брать отрезы.

Он помнил, что Тетушка Лю отлично шьет. Для Дяди Ли-второго он выбрал ткань цвета хаки, ориентируясь на его комплекцию — тот был даже чуть худощавее самого Чжоу Хэна, так что материала должно было хватить. Для Тетушки Лю взял полотно с синим фоном и узором из цветов, для Ван Юэ — белую ткань в мелкий синий цветочек. Сяо Цюаню купил красную материю, а для еще не родившегося ребенка — красного и белого хлопка.

Заодно прикупил фунт коричневого сахара, пакет соли и упаковку сладостей, после чего отправился в обратный путь.

Дорога была неблизкой, а транспорт ходил медленно, поэтому, когда он добрался до деревни, уже стемнело.

Дома его ждали все трое, сидя в гостиной. Увидев его, они радостно заулыбались.

— Я вернулся.

— Поел?

— Еще нет.

— Я сейчас схожу принесу, — Ван Юэ поднялась, но Тетушка Лю мягко усадила её обратно: — Сиди, я сама.

Ван Юэ послушно села и улыбнулась своей новой свекрови.

Умыв целую миску батата, Чжоу Хэн достал из сумки покупки.

— Зачем ты купил так много ткани? Она же стоит недешево, — тихо ворчала Тетушка Лю, поглаживая гладкую материю.

— Я теперь ваш сын, нужно ведь одеться по-человечески. К тому же я поймал змею — говорят, довольно редкий вид, для лекарств подходит. Мне заплатили за неё хорошую цену, вот я и решил купить ткани, чтобы каждому обновить гардероб! И еще, у меня радостная новость: в городе я встретил доброго человека, он попросил помочь ему с делами, обещал платить по 20 юаней в месяц.

Сначала у них на глазах выступили слезы, а затем они вытирали глаза. Тетушка Лю даже перестала гладить ткань и уставилась на него с изумлением: — Ты серьезно?

— Ты нашел работу в городе? — в голосе Ван Юэ слышалось явное удивление.

Чжоу Хэн кивнул.

Эту легенду он продумал заранее. В будущем можно будет сказать, что он работает в городе — а кто проверит?

— Правда? Ты стал рабочим? — не удержался от вопроса Дядя Ли-второй.

— Не на заводе, у частного. Он ведет свои дела, сам не справляется, а увидев, что я работающий и честный, предложил помочь. Я подумал: чего горбатиться за трудодни, лучше заработать живые деньги. А если подвернется шанс стать официальным рабочим — будет еще лучше.

— У частного, значит... И сколько он будет платить? — услышав это, они немного приуныли.

— 20 юаней в месяц.

— !!!

Весь их годовой доход составлял чуть больше двадцати юаней!

Никто в семье не стал возражать. Хотя работа на частного звучала не слишком солидно, но пока нет ничего противозаконного — какая разница, что болтают другие? В их деревне многие пытались торговать сами по себе, ну, люди поговорят-поговорят, но в тюрьму никто не сажает.

Ван Юэ, поглаживая живот и глядя на мужа в новой опрятной одежде, сияла от счастья. От переизбытка чувств в уголках её глаз даже блеснули слезы.

Сяо Цюань ничего не понял, но жадно уставился на пакет со сладостями, чуть не пуская слюни. Дядя Ли-второй, заметив это, поспешно отломил кусочек и дал мальчику. Тот немедленно засунул его в рот, и его большие глаза превратились в полумесяцы, он невнятно пробормотал: — Вкусно!

На следующее утро Чжоу Хэн, позавтракав и прихватив сухой паек, заботливо собранный Тетушкой Лю, накинул на плечи небольшой вещмешок и отправился в путь.

Сначала Чжоу Хэн направился в одну из особых экономических зон. Покрутившись там, он спустил почти все свои деньги — оставил лишь немного на билеты и оборотные средства. Остальное потратил на товар и отправился на поезде на север.

Поезд мерно постукивал на стыках, и в предвкушении успеха усталость была не в тягость.

Первым делом он поехал не в столицу, а в городок из своих воспоминаний. Несколько раз сменив транспорт, он добрался до поселка, где вырос. Он нашел ту самую знакомую улицу, увидел тени прошлого — некоторых людей, знакомых или чужих. Он подошел к месту, где был его дом. Но это был уже не его дом, и здесь не было ни родителей, ни всей семьи Чжоу. Он расспросил местных, не живет ли здесь семья по фамилии Чжоу, будто ищет родственников.

Все, кого он спрашивал, только качали головами. Чжоу Хэн почувствовал разочарование, хотя в глубине души ожидал подобного. В конце концов, это параллельный мир: малейшее отклонение — и результат кардинально иной.

То, что здесь нет его родителей, не удивляло, но город был ему до боли знаком. Он с грустью прогулялся по нему. Он рос на этих улицах, но теперь, когда он вырос, городок стал неузнаваем. Разве в его воспоминаниях он был таким обветшалым?

Он рискнул продать здесь немного модной одежды. Товара было мало, но он пользовался популярностью, что придало ему уверенности. Он никогда раньше таким не занимался — это был его первый опыт, как «девица впервые садится в свадебный паланкин».

В столице многие носили модную одежду, щеголяли стильными завивками, а на каждом углу можно было встретить торговцев.

Найдя торговую улицу, он присмотрелся к ценам на свой товар, а затем, выбрав местечко, расстелил кусок грубой ткани и начал торговлю.

Всё, что он привез — последние веяния моды, навеянные кинофильмами: брюки-клеш, солнцезащитные очки, наручные часы, кассеты. Это были дефицитные вещи, дорогие, но многие не могли устоять перед искушением и, поджав губы от жадности, покупали — для себя или в подарок, ведь это выглядело очень престижно.

Он простоял всего два дня, и весь товар разлетелся без остатка.

<http://bllate.org/book/21637/2232675>